

Александр Леонтьев
ПРЕДЕЛЫ

Александр Леонтьев

ПРЕДЕЛЫ

Санкт-Петербург
2017

ББК 84(2Рос)-5
Л47

Леонтьев А.

Пределы. — СПб.: «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2017. — 120 с.

ISBN 978-5-91258-367-4

Александр Юрьевич Леонтьев (род. в 1970 г.) — автор книг стихов «Времена года» (Волгоград, 1993), «Цикада» (Волгоград, 1996), «Сад бабочек» (Волгоград, 1998), «Зрение» (Волгоград, 1999), «Окраина» (Харьков, 2006), «Заговор» (СПб., 2006) и книги эссе «Секреты Полишинеля» (Харьков, 2007). Живёт в Санкт-Петербурге.

В оформлении обложки использован офорт Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) «Аппиева дорога» (1756).

ISBN 978-5-91258-367-4

© А. Леонтьев, 2017

© ИПК «КОСТА», оформление, 2017

I

УРОКИ РИСОВАНИЯ

Детство рисует большое на маленьком:
Синее небо с оранжевым смайликом,
Домик и дым из трубы.
То-то смутят реализма приверженца
Те человечки, что за руки держатся,
Чтобы уйти от судьбы.

Их пощадят, потому не жалеешь их.
Гребни сиреневы туч зеленеющих,
Смерть отменяется, страх.
Вот где печалям бы нашим развеяться!
В общих чертах это мы, разумеется,
В чёрточках лёгких, штрихах.

Ну а потом — перспектива, пропорция...
Станем людьми, только что-то испортится
В жизни с её мастерством,
Правдоподобием, псевдоумением.
Чтоб изучали мы с недоумением
Живопись — холст за холстом.

Как мы похожи там каждой ухмылкой,
Взглядом тяжёлым, недвижностью пылкой!
Верится даже, что мы
Жили, позировали — одетыми,
Голыми, с ужинами и обедами,
Выступив из полутьмы.

Общее я обрастает деталями.
Боже, кого только не повидали мы...
А ведь хотели, поди,
Проще простого чего-нибудь, вспомни-ка:
Неба и солнца, сирени у домика.
«Деточка, всё впереди».

2008

СКАЗКА

Александр Стесину

Нет, не та, с расчётливым раем, встречей
Непонятно с кем, без возраста и без пола,
Без грехов, страстей, бёдер и предплечий,
Где не будет в сердце уже укола
— ведь кого жалеть, если все живые? —
Где обиды срастаются ножевые.

С непонятной флорой. С фауной — непонятней.
Лев с ягнёнком... А Мандельштам — с Павленко.
И кому из них это неприятней?
Впрочем, все довольны. Вокруг *нетленка*.
Больше нету места мечтам и грёзам.
Высветляющим душу горячим слёзам.

И стихам... Но это уже неважно.
Нет, не та, в которой щемящим чувствам
Путь заказан: не больно уже, не страшно.
Совершенство, где незачем быть искусствам.
Только *эта*. Мне бабушка говорила
Перед смертью: «Как сказка, прошла. Всё было».

2006

РЕПОРТАЖ

Задумчивая, тихая, она...
Быть может, «он»? Раз в красном сари, значит,
Скорей «она». В изножье валуна
Толчёт горчицу в ступке... И не плачет.
Над хижинкой немилосердно льёт.
Куски воды свисают до порога
С колючей крыши. Здесь она живёт.
В стране, где жизнь отстала и убога.
Деревня... Не из черт, а из морщин
Лицо старухи. Не было, однако,
В её судьбе ни женщин, ни мужчин...
Она ждала какого-нибудь знака
От Шивы, Вишну, Будды... А потом
(про христианство не было вопроса)
Вдруг приняла ислам. И что ей в том?
Что чечевица в плошке ей, что просо.

Она гермафродит. В стране чудес,
Как называют Индию собкоры,
Казалось бы, рукою до небес
Подать. Непал неподалёку, горы.
Холодный камень — вот вам и скамья.
Сырые джунгли служат диким садом.
Все отвернулись — ближние, семья.
Но с камерой иль фотоаппаратом
Захаживает редкий репортёр.
Она от них не менее устала,
Чем от сбежавших братьев и сестёр.
И отвечает скупой, смотрит вяло.
Одна из тех, чьи муки наперёд
Известны, непонятны, несомненны.
Спросить о карме... не способен рот.
Что ни скажи, всё обесмыслият гены.

Такое существует в мире зло,
Врождённые страдания и увечья,
Что в наших «повезло»-«не повезло»
И есть, похоже, правда человечья...
Иль это современная тоска,
Проклятье генетической сансары:
Не провиденье — только ДНК
Ответственна за все дары и кары?
Какой виною дедов и отцов
Ещё нам объяснят судьбу калеки?
Созвездия Сиамских Близнецов
Нет на́ небе. И что о человеке
Возможно вообще тогда сказать?
Какому присягнуть в кумирне духу?
Вот в красном сари — ни отец, ни мать.
О чём ещё спрашивать старуху?

О детстве заикнуться ли? — увы.
Я представляю, что это за детство.
Сплошное достояние молвы.
Беспомощно лекарственное средство.
В стране чудес немилосердно льёт.
В стране, где жизнь отстала и убога.
Старуха не поймёт, зачем живёт.
Ей надоело спрашивать у Бога.
Когда-то, говорит, своей мольбой,
Соизмеряя с Промыслом поступки,
Она жила, не спорила с судьбой...
Под шум дождя толчёт горчицу в ступке.
От Бога, от любых богов уже
Она не ждёт спасенья и ответа.
А эти разговоры о душе...
Глядит в окно, не зажигая света.

2006

* * *

Птицы щебечут всю белую эту ночь —
Так хорошо, словно нету меня уже,
Точно всё кончилось, счастья не превозмочь,
Худшее пройдено, рай отворён душе.
Мнимое чувство, как я тобой дорожу!
Так ведь бывает, покуда ты поглощён
Чем-то сторонним, тянешься к миражу,
Не понимая, что со стороны смешон.

Есть ведь минуты, когда не болит нигде,
Да и душа не ноет, увлечена
Шелестом лип, отраженьем огней в воде
Или самим огнём... Всякий страх, вина,
Ужас, обиды, привязанности — их нет.
Нужен же сердцу какой-то приют, уют...
Может быть, этот миг — он и есть тот свет?
Только мгновенье! Но птицы всю ночь поют.

2006

* * *

Поначалу не разобрал: насекомое это, птица?
Через пруд — пушисто крылышками маша —
Переле... перепорх... И к дубу смогла прибиться
На другом берегу эта крохотная душа.
А когда я причалил, вёслами загребая,
К вековому стволу, то увидел — средь бела дня:
Перепончато-серо-коричневая, рябая,
Растеклась по коре, ноль внимания на меня.

Полуспя, длинноухая, с тельцем почти паучьим,
Крылья полурасправив... Бабочка наоборот!
Дай нам волю — но лучше не надо — мы всё изучим:
На земле, под водой, в небесах... Ну а чудо — вот.
Не сиделось дома? Сбилась? Не всё на свете ль
Происходит — так? Летний Павловск, вода в цвету...
И летучая мышь, мышонок точней, — свидетель,
Каково непонятное, «страшное» — на свету.

2006

* * *

Прелестна была! Со спонтанным доверьем,
Таким как их собственное, торопясь
Слегка потрепать всем кустам и деревьям
Листву, поддержать её плотную вязь:
Ладонью вверх — это клёны и липы,
Ладонью вниз — это кашка, жасмин...
Погладь и за то, что они не смогли бы
С аллеи свернуть и привстать из куртин.

Овечкою в травке паслась, обрывая,
Жуя одуванчика влажный желток:
«А сладко! Попробуй!» Такая живая,
Что сердце, которое чует итог,
Щемило... И всё-таки — берег залива,
Июнь, фонтанирующий Петергоф...
Уж так это радостно, непрозорливо,
Что даже и к лучшему я не готов.

2006

ОТКРЫТОЕ КАФЕ

Вот что плохо: не радует даже июль
Сочной зеленью, солнечной ленью...
Сыт ли мелочным счастьем? И не потому ль,
Что запятнано смертною тенью?
Ни в пивном янтаре на дощатом столе,
Ни в приятельском трёпе — ни в чём нет
Золотого забвенья тому на земле,
Кто всё время о ценнике помнит...

Те — уже расплатились... А тем — предстоит.
И тебе, и любимой, и другу...
Из-под тента кафе «открывается вид»:
Ряд берёзок, бегущих по кругу,
Ребятни, баскетбольный пинающей мяч,
Шайка-лейка... И все мы живые.
Я смотрю, становясь на мгновенье незряч...
Не оставить ли здесь чаевые?

2006

* * *

Только на кошку свою и надейся,
Ибо к тебе побежит одному,
Если зашепчешь: «Алисонька, здесь я», —
В непредставимо оглохшую тьму.

Больше рассчитывать не на что, верно?
Люди заведомо обречены,
Чуя душой, что она не бессмертна...
Книжные доводы вряд ли нужны.

Белая, милая — только она ведь
И прибежит — пусть ты грешник, debil...
Вызволить кошку бы, смерть переправить,
Всё воссоздав, что когда-то любил.

2006

* * *

Ни от кого. Так было, говорят.
Но — милых, умных, ласковых, и только.
Не то чтоб ряд. К чему весь этот ряд.
Белёсая твоя, живая долька.

Не ты, не ты, не ты, не ты, не *ты*.
Никто не продлеваем — да и нечем.
Слова, увы, невесело пусты
(не вечен — не любим?). Оставим Речь им.

Ведь может быть, что я переживу...
Напоминанье — страшная забава.
Умрём совсем. Оставим на плаву
Одну траву, полову. Вот и слава.

Ни отпрысков, ни схожести чужой.
«Вот Мать Моя и братья...» Слишком тонко
И рвётся там, где с подлинной душой —
Ни образа-подобья, ни котёнка.

2011

ПЕСКИ

Под балконом, в корзинах сиреней —
Ни зелёных клубков, ни лиловых.
Зренье новой весной смиренней,
Не резвится в силках-птицеловах.

Только сердце — прикажешь ему ли —
Помнит прежние вёсны напрасней.
Разве всех в этот раз обманули?
Даже юность?.. Расстаться пора с ней.

Не обвыкнуть — и ждать нету мочи.
Ничего, заштрихуют раскраску
Разноцветными грозами к маю.

Что ж пытаться-то так, белые ночи?
Очи чёрные — прорези в маску...
Как надеть её — не понимаю.

2013

* * *

Похоже, страхи дурно поняты.
Ну что ж... не по такой погоде ж!
Вот май — как продолжение комнаты:
В чём был, в погожее выходишь.

Колблемое миллионами
Шатров, воздушными шарами —
Лимонными, почти зелёными
В полупрозрачной панораме...

Предгрозовую, сизо-серую
Всю узнаю в преддверье ночи...
Пусть белой будет, путь до «верую»
Хоть мнимо делая короче.

2007

БУЛЬВАР

Прямолинейна аллея бульвара...
Рыже-багровый огонь пожара
Заживо всех обступает, хотя
Мало кто чувствует, как же он жжётся,
В руки даётся, но не остаётся —
И не останется годы спустя.

Нет убеждений, особенно твёрдых.
Племя тинейджеров на скейтбордах
Скачет с поребрика на тротуар...
Да, завела меня далековато
Эта аллея, которой когда-то
Шёл я, не зная ещё про пожар.

Память подводит: себя ли мы помним
В том неприкаянном и влюблённом
Мальчике, нёшем подружкин портфель;
В девочке той, чей портфель до подъезда
Мальчик таскал... Время вышло, а место —
Вот оно... Въяве, в моей голове ль?

Да и зачем вспоминается это?
Мальчика нет и девочки нету.
Рай полыхает вокруг, словно ад,
Острыми кронами клёнов над нами.
Я пятипалыми их языками
В пламя бездымное полностью взял.

Разве мы думали, чуюли, знали —
В школе, в пропахшем потом спортзале,
В пионерлагере, детском саду, —
Чем завершится прогулка в аллее,
Делающейся вдали всё алее:
Кажется, я никогда не дойду.

2006

* * *

На ветвях осталось мало —
Под ногами, как бы вне...
Покрывало, одеяло,
Что лоскутное вполне.
Не листва его соткала,
А земля — на стороне.
Перепутано начало
С окончанием, как во сне:
Голы, словно по весне,
Кроны, где отпыхало, —
И теперь в моём окне
Видно всё, чего не стало...

Только бы не остывало
Теплящееся во мне.

2006

РЕМОНТ

Вытопанная побелка, извѣстка,
Ключья газет — как при вечном ремонте...
Выкроишь взором лишь край перекрёстка —
И никакого тебе Пиндемонта.
На переломе зимы, на развале
Мёртвых сугробов, их гипса, асбеста,
Ты завершённость отыщешь едва ли,
Цельность: не *место* повсюду, а *вместо*.

Только в садах, где продавлен тенями
До синевы, только в парках ветвистых
Стынет в воздушной полуденной яме
Снег — из пластов алавастрово-чистых.
Будет ли выбелен либо разрушен
И перекрашен травой на газоне
Зимний разгром? Только, кажется, нужен
Он — и к лицу — нашей парковой зоне.

Робость, невиданная в экстраверте,
То есть в природе, присуща полянам
Между деревьев... О жизни и смерти
Мысли направить туда не пора нам?
Есть — как побочный эффект, как причуда —
Призрак, белеющий через ограду,
Смысла подспудного, тайного чуда:
С улицы грязной — и к саду, и к саду...

2007

* * *

Ты тогда почувствуешь: вот оно,
Оно самое, виденное в кино —
Про индейцев-красноармейцев. После —
Например, в больнице. Кричат, зовут...
Но теперь — с тобой. Все, что было тут,
Нынче где-то там: не в тебе, а возле.

Не твоё. А было ль оно твоим?
Всё и вся отдадим, палачу сдадим.
Хорошо бы губами в молитву впиться,
Если можно успеть... Ну а если нет,
То семь бед, как известно, один ответ.
Лишь молочным светом слепит больница.

Да не так уж важно когда и где.
Если быть беде — значит быть беде.
Но когда б хоть *кто-то*, как ум за разум,
Завернул бы, зашёл бы за свой предел,
Как того Господь на кресте хотел...
Полноты *какой* он достиг бы разом?

2006

* * *

«Опять про грустное написал?» —
Лопочет, болтаясь вокруг стола.
«Небось и стишок, как всегда, не мал?»
Ага, говорю, такие дела.
«Пойдём пройдемся... Там ржавый клён...
А шарф твой, а он всё равно рыжей...»

Пока ещё золотом остеклён
Ряд верхних, гаснущих этажей.

2006

* * *

Нынче фонари в окне
Не вовне горят — во мне,
Потому что без меня
Нет ни ночи, ни огня.
В чёрный вечер, в данный миг,
Что во мне одном возник.
Ну хоть с этого угла...
Зря, что ль, мама родила?

В ноябре, во тьме немой,
В год две тысячи восьмой
Я гляжу на фонари
Только миг — не до зари.
На мерцанье жёлтых призм.
Только где тут солипсизм! —
Не задуть ни фонаря...
Мама, что ж, выходит, зря?

2008

* * *

Шавка забрешет, забрезжит авто,
Всшипнут под шинами лужи.
Некто, пока он ещё не никто,
Слушает то, что снаружи.

Ливню ночному не скажешь: утри
Капли... Ему всё равно ведь.
Лучше не слышать того, что внутри.
Жизнь — ни к чему не готовить.

Спят... Но извлечь их оттуда — пустяк!
Спящих... И старорежимный
Бабушкин маятник тикает так,
Точно доволен пружиной.

Нет, ни к чему не готовить... Не ждать,
Вслушаться в дождь... Но и эта
Тишь неуёмная, шумная гладь —
Вся в ожиданье рассвета...

Ломко шуршит за окошком вода,
Почве всё пьётся и пьётся...
Сердце моё замирает, когда
Чувствую, как оно бьётся.

2006

* * *

В ранний час, пока ты спишь,
На земле такая тишь,
Что лишь в голубе ворчливом
Ты её и ощутишь.

Спи, нежнянка, спи, жена.
Разве дальше — тишина?
Не поймёшь, не опознаешь —
Быть нарушена должна.

Нерасгуленная мгла
Не темна и не светла...
Поливальная машина,
Шелест, утлая метла!

2007

* * *

Под целлофановый, разом
Развёрнутый, шум дождя —
Куда мы уходим, разум,
На время в себя уйдя?

Задёрнута плотно штора.
Нужны ли мы небесам...
Мерцание монитора:
Он сам по себе, я сам.

Наляпаны, тьма-неряха,
Лишь кляксы твои вокруг.
Откуда ты, чувство страха?
Оно — из тебя, мой друг.

Шуршавее, дождь, похлеще,
Пусть шум этот движется...
Вот тени: они не-вещи.
Вот пепельница, вот книжица.

Не-вещи сольются с тьмою.
А всё остальное — с чем?
С тобою, мой друг. Со мною.
Со-всем. Насовсем.

Что ж вымолить? Разве чуда...
Да — это. И это — да.
...чтоб вера пришла *оттуда*.
Направленная *туда*.

2007

* * *

Выйдя из виртуальности, отравившись вполне —
Литературными сварами, к распахнутому окну
Взял да и пересел. В апрельском окне
Дождь шелестел — асфальт как бы пошёл ко дну, —
Вместо листвы шумел; машины, казалось мне,
Приподнимали подолы, шурша, чувствуя глубину.

В том, как запахла пыль, был отворот-поворот
Влажной фланели — или: так поливают цветы.
Бабушкина герань на подоконнике — вот.
Не скажу — от уборки; что-то от — чистоты
Было во всём, от женских милых, мыльных забот.
Время словно слоилось, листая свои пласты.

Хорошо, что так. Ибо плохо — всегда.
Вытеснено на несколько домашних, тихих минут.
Если б не на мгновенья счёт был, а на года, —
Но у окна с дождём. И бабушка тут.
Пыль, побитая временем, державинская вода.
Тряпочкой проведут и цветы польют.

2007

* * *

Без (кто же знал-то?) зонтика дойдя
До бьющих снизу струй Водоканала,
Залюбовался пеленой дождя —
Она фонтан едва не доконала.

Одна стихия! Но стеклянных струн
Невольной арфы ей, равновеликой,
Не обороть, не завернуть в бурун —
Ни лаской, ни забористостью дикой.

Бывает помутненье: даль и близь
Смешаются в сознание угнетённом.
Борьба, братанье? Бред, который дан?

И на мгновенье кажется — слились.
Не в каждой силе тяжба ли: за что нам...
А человечен (вечен дождь) — фонтан.

2013

* * *

Черёмуха как бы распалась
На белый — махом — и зелёный,
Сосредоточенную завязь
Взорвав ступенчатую кроной,
За край холста — всей кистью, хвостиком,
Мазком зайдя, — и стала воздухом.

Отмаясь клейко, отапрелясь,
Всей холкою захолодела,
Свою распространяя прелесть,
Как душу за пределы тела,
Накрыв сирень, скамью с кафешкою,
А я всё мешкаю и мешкаю...

Всмотреться прямо в сердцевину,
Где ствол угадываем знаньем...
И я когда-то сердце выну,
Сиянье чуя за зияньем —
За теми яблонями, сливами,
За всеми чувствами счастливыми.

2007

* * *

Ивану Дуде

Жаль, что не было нас.
Кто бы ещё заметил,
Как предвечерний, светел,
Луч в золотинках гас.

С летней Фонтанки в зал —
Как, погляди, пылится!
Свет оседал на лица,
Рамный янтарь лизал.

Надвое раздралась,
Точно завеса в храме,
Та темнота над нами,
Смертная ипостась.

Выхвачены из тьмы,
Тихо мы так сидели,
Словно на самом деле
Это уже не мы.

Будто в закатный час
Мы разглядели ясно,
Как же оно прекрасно! —
Будущее без нас.

2008

II

ДЖЕТЛАГ

I. Манхэттен

Кате Ивановой

Жаль разбазарить целый день
На очередь и теплоходы —
Туда, обратно... Дребедень.
Пусть других колышут воды,
Плывущих к статуе Свободы.
Быть может, воля — это лень?

А что в бумажнике голяк —
Так тем Бродвей и идеален
Для праздных, как и я, гуляк:
Кинотеатр, что многозален,
И в каждом зале — Вуди Аллен.
Здесь вам, товарищ, не ГУЛаг.

Миллионершею в мехах
Жизнь тут склоняется с почётом
Над люмпеном, о пустяках
Беседует — и вот сам чёрт им
Не брат, поскольку белой с чёрным
Уже поставлен общий шах.

Как бы со страхами порвав,
Не ждешь подвоха и хворобы.
Тебя уже лишили прав
Бесчеловечно небоскрёбы...
Мы кто? Микробы. Не метро бы —
Совсем бы я утратил нрав.

И в самом деле, только там,
В тоннелях тёмных, роя сушу
Под тоннами воды, из ям
Ты рвёшься поскорей наружу...
Вот так и обретают душу —
С грехом и страхом пополам.

Гудзон слепящий, корабли...
Ну сколько можно воздух лапать!
Ты не возьмёшь и горсть земли,
Сибирский валенок и лапоть...
Такой свобода и должна быть:
Огромной, в бронзе — и вдали.

II. Перелёт

А. С. К.

Будь я рядом, смотри я снизу, не наоборот —
Ничего б не увидел, не понял, увы, тогда.
Я бы, стоя на плоскости, просто смотрел вперёд,
Предо мной простиралась бы... — а, вода как вода.
Но вот так — с высоты полёта — подвижный взор
Позволял мне всё — Миссисипи и Мичиган,
От Скалистых гор до Великих — о да! — озёр...
Так я карту в детстве разглядывал, мальчуган.

Пересечь с востока на запад весь континент,
Разглядеть — заснеженный в марте — ландшафт его...
Оживала карта! И в памяти всплыл момент
Из гомеровской «Илиады», то волшебство
Со щитом, который сделал Гефест: к нему
Прибежала Фетида с просьбою... Вот рассказ!
Эти виды в иллюминаторе не уму
Доставляли радость — чудесного чувству в нас.

Разумеется, можно сравнить этот щит с ТВ,
Интернетом... Точнее было б, наверняка.
То, что есть с рожденья в душе у нас, в голове,
То и может существовать — хоть спустя века.
Это я к тому, что у всех на земле людей
Есть желанье, стремленье обожествлять тупик,
Потому что брешь в нём — из мира взялась идей.
Ну а образ брещи — откуда он в нас возник?

Разве мог читатель Гомера понять, что в срок...
Мог я в детстве, держа игрушечный самолёт
Над распластанной картой, представить... Пожалуй, мог.
Наше воображенье и есть Божества оплот.
«Что за речка вон там? А это что за гора?» —
Донимал я соседку, как, может быть, теребил,
Сидя рядом, Фетиду — пока не пришла пора
Всё узнать на свете, — уставясь на щит, Ахилл.

III. Грядущий Нью-Йорк*

Андрею Бураго

С утра в окне Сёра, как водится в Сиэтле.
Не курят в доме (эй, а пепельницы нет ли?).
Во дворике шезлонг, над ним зелёный тент.
В забор пушистый хвост просовывает хвоя,
И белка в ней снуёт... Не знаю никого я.
Не помню ничего. Сижу, ловлю момент.

Мы, глянуть бы вперёд — условно — лет на сто,
Уже никто: пальто — и в нём инкогнитó.
Накрапывает март над съёжившимся садом.
Смотрю туда, где спит озёрная вода,
Что вскрыта, словно желье. И горная гряда
Её консервный жест сподобит водопадом.

Сижу себе, курю. Надёжно неподвижен.
Клубится вешний рой почти расцветших вишен.
Что жизнь уже прошла, понятно мне ещё,
Но даже то, что боль доставит и печаль нам,
Уйдёт, как почта в Сеть, и станет виртуальным.
В Сиэтле Майкрософт. В Сиэтле хорошо.

В стакане — скотч и лёд. Поставлю на цемент
Веранды. Звонкий стук. Сижу, ловлю момент.
Воспоминаний нет. Ау, семья и школа!

* New York Alki — первоначальное название Сиэтла на чинукском диалекте (англ.).

На сленге говоря, поюзаешь судьбу —
И на тебе, апгрейд. Сплошной дилит в гробу.
Передо мной забор — заместо файервола.

Озона благодать. Она лицензионна.
И нужен здесь не взлом, не зло, что вне закона,
А номер, данный всем; но всякому — один.
А так... У всех тоска. У всех неразбериха.
Когда не будет нас, на свете станет... тихо.
Заросший палисад, пустынный мезонин.

Пойдёт в Сиэтле дождь. Озёра тронет дрожь.
Мир будет, чем и был. Но тем-то и хорош,
Что брызги пресных вод не ставит ни во что он.
От шумных наших слёз, кровоточащих ран
Останется потом лишь Тихий океан.
Совсем один, без нас... Он, кажется, взволнован?

IV. Никуда, с любовью

(To J. B.)

В том же возрасте тут обосновались вы,
В Гринвич-Виллидж, на Мортон-стрит, 44...
Тридцать шесть мне, туристу с берегов Невы,
Подошедшему к бывшей вашей квартире,
На ступеньки присевшему выщербленного крыльца.
Кирпичи багровеют, белеют рамы, черны перила.
Десять лет как на свете нету того жильца.
Дверь не скрипнула, изгородь не заговорила.

Тихой улочки кривизна, чуть похожей на Амстердам.
Даже велосипеды, прикованные к оградкам,
Норовят подначить к сравнению «здесь» и «там».
Но никак не с улицей Пестеля, с Ленинградом.
Нет возврата, да... Только опыт нам говорит:
Эта улочка с движеньем односторонним.
Слева — там, откуда пришёл я, — лишь Бликер-стрит,
Где прощались с вами в бюро одном похоронном.

Ну а что там справа? Какой-то простор, просвет?
Налетает оттуда ветер и пахнет морем...
На Манхэттене март. Ни листочка на ветках нет.
Заслониться нечем, сживаешься даже с горем.
В ресторан японский зайти ль, изучить меню,
Или в ту кофейню, когда в ней ещё курили,
Поглазеть на ню на Пятой ли авеню...
Только не у всего на свете бывает «или».

.....

Посидел, постоял, посмотрел сквозь решётку в сад,
В узкий дворик внутренний... Мыслимое пространство
Нам как раз и дорого, правда? Пошёл назад.
А затем, проявив упорство или упрямство,
Опоздать рискуя в гостеприимный дом,
Развернувшись, направился к меркнувшему Гудзону...
На гнилые сваи глядя, курил потом,
Как сказали б, теряя время... Так, без резону.

Мысли были глупыми... О мальчиках думал тех,
Что живут в Красноярске, Харькове, Владивостоке...
О любивших вас беззаветно. За них за всех
Я, один из них, стоял, вспоминая строки
О Венеции, Риме, ястребе... И Нью-Йорк
Зажигал небоскрёбы, мостов золотые своды,
Чтобы звёздам легче было прийти в восторг
От людских судёб, от собственной их свободы.

2006

БРАТИНА

Г. Ф. Комарову

За здоровье твоё.

Ломоносов

1

Довожу, выпивая,
Злую душу до слёз:
Невозможно живая —
До припухлых желёз.

Опыт страшен и старящ.
Водку пью, что Аи,
Боратынский, товарищ,
Помня строчки твои.

За здоровье не многих.
Но, ревниво любя,
Всё равно не сберёт их.
Каждый пьёт про себя.

2

Перстенёк отдаваем.
Кто сказал — никому?
Раз Ник. Т-о узнаваем,
Значит, Анненскому.

Догадались заране?
Что ж, листайте смелей
Либеллулу, зыряне,
Что томов тяжелей.

Аониды над нами.
Выше лет и обид.
Пью за Лазарей в яме:
Каждый, помнишь, забыт.

3

За военные звёзды.
Леденеет латынь.
За стихи, что серьёзны.
Вроде Блока. Аминь.

На шестнадцатой стопке
Трёхсотлетних бумаг
Медлит жизнь при растопке...
Стоп! — сказал Пастернак.

В мировые Мерёжи
Так и лезет малёк.
Отделить бы поостроже
Молоко от молок.

4

Потому и содвинем
Мы бокалы, друзья,
Что лишь в будущем сгинем,
Ибо в прошлом — нельзя.

Даже если в печати
И не будет стихов.
Вот и *spiritus*, кстати.
Поддержи, кто готов.

Словно свет на Фаворе —
Эта радость навзрыд.
И в порожней амфоре
Ваше пламя горит.

2006, 2013

ШИ-ЦЗЫ, ИЛИ КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

Китайский садик на Литейном,
Где мы, уроды всех мастей,
Как в заведении питейном,
Демократичны для гостей.
Тут прикурить не раз давали...
Но шар из пасти странных львов
Вы, детки, вырвете едва ли —
То их язык, и он вам нов.

Пусть каменеет за клыками,
Обкатан мастера сверлом
И канувшими в ночь веками...
Тогда идите напролом:
Нет старших-младших, дальних-ближних,
Всё прах и суета сует!
Любуйтесь после на булыжник.
На окончательный ответ.

2013

КИРХА СВ. АННЫ
(быв. кинотеатр «Спартак»)

А. А. Пурину

Полуразрушенное окруженье
Холодной колоннады «Спартака».
Где бывших лютеран богослуженье?
А новых тут не видели пока.
Вот мы пришли сюда, приняв решенье
Употребить бутылку коньяка.

Возведена в тот год, когда «всё наше»
Родился, знать не знающий про дар.
И сколько ж перестроек было в Раше...
Пять лет назад здесь бушевал пожар.
Со временем ничто не стало краше.
Ни мы, ни кирха. Копоть и нагар.

Пластинчатые ставни, свет отбросив,
Свисают с петель. Мир повременит.
Кто нынче — Теодор? быть может, Йозеф? —
Ущербный невский посетит гранит?
Так много риторических вопросов,
Что тень родная не заговорит.

Там, в храмине, химера киномака.
Пророк её — Осоавиахим.
Важнейшим из искусств была, однако.
Немые фильмы, данные глухим.
Отродие барокко и барака,
Побег архитектурных мезенхим.

Кина не будет. Здание собора
Возвращено общине лютеран.
Урок для созидательного взора:
Латанье дыр да шпаклеванье ран.
Простой обряд и создан для простора
Воображенья. И погас экран.

Добьём коньяк, мой друг и собеседник.
Чернильниц нет, поскольку Интернет.
Боюсь, создатель Библии для бедных
Разбил зеркальный, злясь, автопортрет...
Не лучше ль тень призреть среди соседних
И, призрачную, вывести на свет.

2007

* * *

Что-то из «Дочки» его, с Пугачёвым:
Ночь да метель.
Вынули, тёплым ещё — горячо вам? —
Стынет постель.

С крестиком тяжким лёгкое тело,
Снега парша.
Жаркое, потное — заглодело.
Ну а душа?

Целой вселенной звуки и краски
Съёжились вмиг.
Быстрые сани словно салазки.
Разве ж до книг?

Вот повезли, замотавши рогожей,
Сквозь решето
Ночи февральской, с мелкой порошей,
Прямо в Ничто...

Кроме того что «милый, хороший»,
Скажешь ли что?

2007

* * *

Олегу Дозморову

Мороз — и Заячьего острова
Со Стрелки воспалённый вид,
И желтизна собора вострого,
И крест, что ангелом увит, —
Стоишь тут со своею драмою,
Не жалуясь, не голося.
Жизнь развернулась панорамною
Прекрасной — и раскрыта вся.

В том плиточном, разбитом мраморе
Между гранитных берегов
Движение и дыхание замерли —
Не сделать и пяти шагов.
Фасады и сады от крепости
Надёжно так удалены,
Что не представить пущей крепости
И не вообразить весны.

Во льду размолом, расколотом,
Но твёрдо вставшем на дыбы,
Фарватер, не объятый холодом,
Невы чернеется, судьбы.
Кто знает, может, наше поприще
Подобный намечает путь
И каждому потом пробьёт ещё,
Продышит сверху что-нибудь.

2009

ФЛОТ

Гляди: страна, плывущая, как флот...

Алексей Пурин. Домик в Саардаме

Меж явью и мечтой не протащить и волос,
Игольное ушко не тщетно ль тешит нас? —
Адмиралтейский шпиль... Кораблик твой, Ван Болос,
 Не флюгер, а компас.

Воздушная его опара не опала б...
Открытые ветрам развёрнуты крыла.
На родину твою, обитель мачт и палуб,
Когда-то и меня удача привела.

А странно, Амстердам, я помню и сегодня
Над окнами крюки, незримый такелаж.
Там что ни площадь — верфь и что ни мостик — сходня,
 Цветущий берег — не блажь.

Расправим паруса: чешуйчатым уловом
На кончиках кистей напряжены холсты,
Оснасткой бытия... Живописание, словом.
Ведь реи, что в раю, как могут быть пусты...

Но строит и строфа, формуясь, за строфою
Летучий свой фрегат — из ничего-нибудь.
Пусть с повивальных строп, невольник, с мировую
 Отпущен будет — в путь.

Он гульденами полн: борись, «Голландец» мнимый!
Подобье-образ он. Художник и модель.
Посаженный на мель и волнами гонимый.
На языке морском — *ходящий* по воде ль?

2013

ВО ФЛАНДРИИ

Цель всего — средний человек;
буржуа спокойный среди миллионов
точно таких же средних людей, тоже
покойных.

К. Н. Леонтьев

Обрюзгший буржуа
Глядит на кружева
В родной витрине их — пивном стекле канала,
На Брюгге в октябре. Рефлексией жива,
Вода — по яви вплавь — себя же догоняла.

Вот суета сует...
Шалишь, милее нет!
Мне, зеркальце, скажи, насколько донце скрыто?
Лишь солнце и дома ганзейские — в ответ...
И, неразбито, нас везёт по ним корыто.

Кирпичный шоколад
Лежит — на всякий лад.
Но взбитых сливок тех, над карильонной кладкой,
Не поднести ко рту: чай, зелен виноград.
Так некую плитку не мыслишь плиткой сладкой.

Отвесная стена
Глухонема до дна.
Другая сторона: волна бежит к причалу.
С него мы и взошли на пироскафчик, на
Печальный катерок, занятный поначалу.

Отбрасывает борт
Узорчатый эскорт —
Легко ль искать мишень в прицел калейдоскопа?
Переверни глазок ещё разок, Европа, —
Фламандский свой пейзаж и наш в нём натюрморт.

2014

ПЕРЕТТА

Вот кувшин, генерал-лейтенантом
Захаржевским хитро просверлён.
Сколько пили, с душой и талантом,
Из него! Нескудеющий он.

Уж и басня вполне позабыта,
Молока не видали пока —
Лишь сирень, как палатка, разбита
И лилово цветут облака.

А печальная дева над чудом
Заплетённой в косичку воды
Всё сидит, всё следит за сосудом,
За теченьем обиды, беды...

Зачерпну-ка... Раздельными были
Эти линии. Общее дно.
Жизни, смерти, любви ли, судьбы ли...
Линза жидкая сводит в одно.

Душу выльют, раз брренное тело
Разобьют, что скудельный сосуд...
Лишь бы лужица вновь запотела,
Если через века поднесут.

2007

УЧИТЕЛЬ

1

В парадном, сказано, мундире.
Что ж, у гимназии мужской
Всё то, что не любил он в мире,
Прониклось и его тоской.

Кто знал, насколько небывалой
Была та жизнь, да вышла вся;
Кто? — с перекрёстка улиц Малой
И Набережной вынося...

Два-три... четыре, семь ли — знало?
К ним двадцать? тридцать? с той зимы
Прибавилось... Не так уж мало.
И без того нас тьмы и тьмы...

Я был там в сентябре, недавно.
Цвет, прежде белый, нынче жёлт.
А крест шпиголем стал недавно.
То кладка вылезет, то болт...

Здесь и задвинули на дроги.
Пар изо ртов и серый лёд.
Все похороны так убоги.
Да был ли он, немой полёт...

2

Тюльпан-то тленьем не убит —
Пластмассовый фальшиво-розов...
И это — после всех обид,
Слепых сомнений и вопросов?

На школьный день календаря
Пришлась, рожденник, эта дата.
Учитель, с Первым сентября.
Вот, навестили хоть когда-то...

Как эта липа, накренься,
Ещё стоим, одной ногою
Топча кладбищенскую грязь
И уходя в неё другою.

С могил обсевочки прибрав,
Прочли стихи, попутав строфы,
Про капище и смену трав...
Вязь красоты и катастрофы.

Живых цветов не принесли —
Поохали, посожалели...
Увы, у неба и земли
Такие разные постели.

2006, 2007

<ПОСЫЛКА>

Ну вот, и грехи отпустили
Столетье спустя, нараспев.
Кадили ему на могиле,
В своей правоте преуспев.
От звона часовни с ограды
Снежок осыпался, с ветвей.
Мы рядом как будто, мы рады.
Раз памятной — значит живей?

Открыли и доску на доме,
Руине сдавая внаём...
И в палевой стыл глаукоме
Слепой, в облаках, окоём.
И всё? Ведь хорошее дело!
Пошли... Оглянулся в тоске —
На жёлтого пса, оробело
Разлэгшегося на песке.

2009

ВЫРИЦА

А. С. Кушнеру

Каждый парус намокший размотан —
Вот удача для дачных регат!
Многомачтовый ельник... — и вот он,
Перепончатокрылый фрегат.
В зафрахтованной летней скворешне
Ослепительный дождь переждём,
Пусть недвижим кораблик наш внешне —
За туманом и этим дождём.

Будет призрачной он невидимкой
Для незрячих, не зрящих его.
Вся веранда окутана дымкой
Сизой хвои. Хвоцей вещество.
Не ветрами кораблик сквозными —
Только лапами елей гоним.
Шевелится ли хаос под ними?
Шевелится. Под ними, под ним.

Не морской, но укроется ёж в ней —
В кроткой буре, заплыв за пеньки.
Разве снасти дождя ненадёжней
Одиссеевой прочной пеньки?
Нас привязывать к стульям не нужно —
Мы пожарной и скорой сирен
Понаслушались, чувствуя дружно
Милой палубы гибельный крен.

У распахнутых окон стояли —
Без руля, без ветрил, без кормил,
Где-то струны дрожали в рояле,
Кто-то клавишей стаю кормил.

И, взобравшись на борт к Одиссею,
Через вырицкий дождь и туман
Так и плыли компанией всею...
Через реку времён, Океан.

2008

ОРЕДЕЖЬ

Вся в кувшинках, мильон их,
Эта речка, смотри, —
Что в корзинках зелёных
С жёлтым кремом внутри.

Чайки, селезни, утки.
Хрупкий дождик с утра.
Милых спутников шутки.
Неужели — пора?

И замрут наши души
На мгновенье, когда,
Отшатнувшись от суши,
Шелохнётся вода.

2008

РОЖДЕСТВЕНО

Оредежь переедешь,
Станет другой дуга.
Детство не просто фэтиш —
Первые берега.

Воздух сачком накроешь:
Разве должно пропасть?
Ведь не пустой игрою ж
Движима эта страсть?

Берег высок и долог.
Церковка на холме.
О лепидоптеролаг,
Тки свой хитин во тьме!

Перенеси за море
Выру, как через ров,
Слэз кривизну во взоре
Выровняв, поборов.

Здесь, в поминальной книге ль
Бор, березняк, родник?..
Вот распахнули флигель —
Воздух во всё проник.

2007

«МОСТКИ»

Михаилу Окуню

Зловоньем несло от канала,
Не сыростью — серой: вода,
Могилы размыв, добежала
Из мёртвого мира сюда.
Ну вот же оно, это Жало,
Вот ада победа — беда...

Шёл дождь, вместе с нами — от Блока
До кроткой кузминской плиты.
Зарыли, однако, глубоко.
А глазки уже налиты —
Стоим, помянув одиноко
Культурные эти пласты.

Не чокаясь, чокаясь... Впрочем,
Не всё ли равно им, увы,
Когда-то до жизни охочим?
Гранитом прикрытые рвы
Мы лёгким дождём не размочим.
Воистину — ниже травы.

Ни водкой, ни даже слезами.
Мы только чужую тоску
Своей поверяем глазами,
Строкою, читая, строку.
Мы сами... Но кто эти «сами» —
На чуждом узнают веку.

Пускай же натужная шутка
Нам скрасит печальный визит.
Живому — всё в радость, всё жутко.
А мостик над бездной висит,
Что нас глубиной промежутка
В загробной воде отразит.

2009

III

ВЕНЕЦИАНСКАЯ ВЕСНА

А. А. П.

1. Пьяцца

Черна гондолы веря,
Волна, увенчанная чайкой.
Береговойю обечайкой
Лагуны стянуты края.

Сомнительная правда сна,
В которую не проберутся
Землетрясения Абруццо...
Венецианская весна.

Метельщики с шестами серыми,
Пока рассвет даёт им право
Грести, не возмутив глубин,

Плывут по Пьяцце гондольерами.
И воздух рвётся птичьим «браво» —
Овациями коломбин.

2. Мост Вздохов

С мужьями тебя обручали.
А нынче любовники тут
Выглядывают на причале
Из видео-, фотобаут.

Но заново здесь Казановой
Не стать. И рекламным щитом
Мост узников забран суровый.
Лишь воздух во вздохе пустом.

В судилище ход — из узилиц.
Шалава глядит со щита.
Лишь эту любовь и осилишь.

Тщета. Настоящая — *та...*
Так истине мало красы лишь.
Оплачены плачем счета.

3. Сан-Микеле

Тебя сюда перевезли,
Как из Александрии Марка.
Сравненье это слишком ярко —
Уж не кошунственное ли?

Смерть, как положено, в яйце,
Огромной скорлупе собора,
В ларце на Пьяцце. Пасха скоро.
И Воскресение в конце.

Что саркофаг или плита! —
Вода подточит. Розы, верно,
Раскроет вскоре красота.

Им Данте имена припас:
Вот Парадизо, вот Инферно...
А Пургаторио — сейчас.

4. Трагетто

Через канал перевозят в гондоле.
В чёрном трагетто постой.
Мелкой монетой, пол-евро — не боле,
Платишь. И глупой мечтой.

Здесь карнавально расплавлена смальта
В зеленоватой волне.
Запахи рыбного рынка Риальто...
Рай ли то, данный вчерне?

Даль очарованная... Но покуда
Я постоять, за себя и за милых,
В лодке печальной могу.

Значит, ещё не утрачено чудо!
Сваей торча, я почти различил их —
Очи на том берегу.

5. Торчелло

В путеводителях красот —
Деталей нет. Глядишь в тоске ты:
Ячейки мавританских сот
Меняют на стеклопакеты.

То голливудская шпана,
То наши, так сказать, брателло...
Плыви, чтоб получить сполна,
На всеми кинутый Торчелло.

Торчи там три часа подряд,
Живи началом всей лагуны.
Базилика. Бездомный кот.

Три итальянки говорят,
Пугаясь транспортной лагуны:
«Придёт ли вапоретто?» Вот!

6. Бурано

Стеклодувом выдута халява.
А затем стекла в рассветной мгле,
Хлынула в лагуну эта лава —
И стекло колеблется в стекле.

На Мурано выплавлено рано,
Чтобы отступала в море тьма,
Чтоб из детских кубиков Бурано
Складывались пёстрые дома.

Чтобы на верёвках сохли майки,
Простыни. Чтоб милые привычки
Не менялись. Чтоб рабочий люд

Плыл на службу в бедной таратайке:
В карты, словно в нашей электричке,
Режутся. И песенки поют.

7. Фрари

Тоска мальчишек по футболу
Средь узких улиц и воды!
Пинают мяч, забив на школу,
На строгий чин Страстной среды.

О церковь лупят... И в ударе —
Тщета и мощь! А за стеной
Чудовищные мавры Фрари
Стоят в Пезаровой штрафной.

Но что им Тициан, Канова,
Коль выпад детского носка
Рабами сна пропущен снова!

Такая смертная тоска
По невозможности живого,
Что ярость — в мраморе белка.

8. Лацци

Разве стерпит туристская стая
Надувательство? Дай подороже!
— Маски те, карнавальные рожи,
Разумеется, не из Китая?

А китайцы, держи карман шире,
У капеллы толкуют резонно:
— Вот Вивальди, «Четыре сезона».
Все четыре дают? — Все четыре.

Кампанила Сан-Марко. При входе —
Аполлон и Меркурий. Мы в круге
Алигьери? В каком таком миге?

Юлиана Отступника вроде.
Только львы и прочтут на досуге
Все четыре Толковые книги.

9. Арсенал

Бескрылый прайд у Арсенала.
Что им галеры, что им я...
Но если бы о прочих знала
Вот эта львиная семья!

Природа ли впадает в ересь?
Творец ли позабыл о них?
О, как бы рыкнули, ощерясь
Среди собратьев неземных!

Когтили бы столбы, балконы
И Книгу вырвали из лап их...
Ни крыльев, ни заветных слов!

Там смерть и тварные законы
Отменены... Помилуй слабых —
Ошеломлённых Вестью львов.

10. Ночь

На воду каменное кружево
Накинули — и темь ночная
Влечёт прохожего досужего,
Очередной петлёй пленяя.

Венеция, мне прятки нравятся!
Как в детстве — никакой тоски нет.
То кампо вымостит красавица,
То мостик новый перекинет.

Но заблудиться оба рады мы:
Любовь во мне, к тебе прильнувшему,
Выискиваешь ты сквозь смуту.

И пешехода, с маскарадами
Его, щадишь, прощаешь чушь ему —
Не за посмертную ль бауту?

11. Дорсодуро

Той набережной нет давно.
Лишь мост Неисцелимых аркой
Над памятью чумной и жаркой
Навис, решётчатый, черно.

Но в храме — праздник воплощён!
Не высь ли купола, бездонна,
Укроет смертных, как Мадонна
Мизерикордия плащом?

А мы, стоящие внизу,
Чему мы верим? — только горю:
Переименовать спеша.

Но как лагуна хороша,
Где катер за слезой слезу
С избытком возвращает морю.

12. Балкон

Кофею! — подобно завсегдаю
«Флориана», строф ли корифею —
Влить бы утром в голову косматую,
Где ещё фонит сонет к Морфею.

И спросонья вспоминаешь пасмурно
То, что ты писал уже об этом,
Все свои стихотворенья Асперна,
Так и не известные поэтам.

Ставни отворяются, подушку
Выставляет — верно, на просушку —
Некий седовласый господин.

Трубку выбивает, смотрит мудро:
Полоса шафрановая — утро.
Кажется, живёт совсем один.

13. Сан-Джорджо

Адриатическим чудовищем
Со штольной рыбьего нутра,
Тебя к ужасному готовящим, —
Таким он чудится с утра.

От плавника спасает острого
Береговая полоса.
Но солнце лишь коснулось острова —
И вот он, слава и краса!

В туманной дымке и не то ещё
Всплывёт Пандорино чудовище
Со дна подводного ларца.

Всё дело разве только в зрении?
Но как нам разглядеть в Творении
И анаморфного Творца...

14. Примавера

Ты выходишь из вод, примавера,
В перламутре утра́ рождена.
Ты Весна — и при этом Венера.
Золотистых волос рыжина.

Полотно с полотном совместилось,
И так плотно совпали края...
Не помнилась ли мне твоя милость?
Ты — Венеция, радость моя.

Всё пронизано солнцем, прогрето...
Так зачем я схожу с вапоретто,
Почему так проточна вода?

Но в вагоне блеснул мне твой локон
В преломленье лагуны и окон —
Я его сохраню навсегда.

17–19 апреля 2009

* * *

На столе, в стакане, эустома.
Вся её стоустая истома —
Только синь слепая, красота
В столбняке... Но мне её не надо.
Лишь услада на краю распада.
В лепестке любом она пуста.

Если бы не связанное с телом,
С белым — простыня ль, бумага — делом,
То к чему бы душу и жалеть...
Подношенье простенькое, цветик.
То, что выше, простодушной *этик*, —
Как любить?.. Стекланна эта клеть.

Но томится сердце на рассвете...
Спать пора... Растаять в синем цвете,
Что тебя приветит, золотясь.
Пусть лоскут его втолкует внятно,
Пестуя тоску, как необъятна
Их несуществующая связь.

2010

* * *

В канал сапожок окунула —
Держись! В ослепительный день,
Как ласточка, тень промелькнула,
Когда заскользила ступень...

Пустяк — оступилась неловко
В пучину смарагда, беда.
Грядущего, что ли, уловка.
Но дрогнуло сердце тогда.

Мы залюбовались на блики
Торцов и балконов, увы,
Нам было не до повилики
Придонной, глубокой травы.

А там среди мрака мерцало
Такое, что лучше не знать.
Венеции вечной зеркало,
Косматая смертная прядь...

Всё высохнет — обувь и слёзы.
И кто ж доверяется снам,
Готовящим метаморфозы
Невнятные, страшные нам.

2010

РАДУГА НАД ЛАГУНОЙ

Радужку не муча,
Радугу в себя вбирает туча.
Дождевой надой,
Словно радость бедой,
Отторгнут в неё водой.

Не течёт из крана —
Стала стеклом на Мурано.
Пропадает страх,
Прокураций прожжёных прах
Смешан с кварцем на островах.

Облекается сферой,
Как монастыри верой.
А ты на террасе стой,
С этой ли стороны, с той,
Любуйся ею, пустой.

Дрогнет балкона дверь:
Видимости не верь.
Зеркало наизнанку —
Как узреть изнутри мамку
Или грядущую ямку.

А всего-то отражена
Комната, выходящая из окна,
Волны Brentы из черепицы,
Солнце, сделанное из пиццы,
Кампанил буранские спицы.

О них лопаются шары,
Летающие с Пьяццы, от детворы:
Наталкиваются на штыри
Мыльные радужные пузыри —
С детским дыханьем внутри.

2012

SPOSALIZIO DEL MARE

Обручённый мостами канал,
Полукружия скоб-истуканов.
Всё искал, даже если б узнал,
Чем продолжится сущее, канув.

Торжество отражения, вот! —
Над могильной плитою базальта
Добытийной нейтральности вод,
Где гнильца под жемчужным Риальто.

И проблема, глядишь, решена.
Дожи знали. Одной из догадок
С догарессой своей поделись.

Ведь дуга под тобой — та же высь.
Дух таков: ни обиден, ни сладок.
Он для мужа и вправду — Жена.

2013

НЕАПОЛЬ

Фуникулёр туда, где молоко
Везувия сбежало, нас поднимет —
Амфитеатр Неаполя легко
Ступени волн, спускаясь к ним, обнимет.
Любая высота полуслепа.
Кто это, альбатрос? Иная птица?
Поставлена скалою на попа
Морской водой надкушенная пицца.

Простор и ветер. Клодтовских коней
Здесь не застал наш сумрачный Евгений,
Уйдя от петербургских व्यюжных дней,
Упоем южным восхищённый гений.
Не лучший ли тебе мемориал
Не в нашей Лавре, а вот эти лавры —
В том городе, в котором умирал,
Аничкова моста полукентавры?

2011

КАПЕЛЛА МЕДИЧИ

Закрылся от мира плечом,
От собственных черт, от резца ли
— отрадней не знать ни о чём —
Вот День, чьи понятны печали.

А Ночь беспробудная спит.
Но локоть, но угол колена!
В ней дремлют уколы обид?
Тоска, избежавшая тлена?

Покой — и кромешная жуть.
Здесь даже к Младенцу тянуться
Не в силах скорбящая Та,
Что с Новорождённым — Пьета.

И Вечер страшится заснуть,
А Утро не может проснуться.

2010

ПОЛЕ ЧУДЕС

Был бы не более страшен,
Ясен бы — что за краса!
Басен, кренящихся башен
Миру нужны чудеса.

Разве Зиждитель во мраке
Столь же бывал нерадив?
Див не хватает зеваке,
Всё б ему — чуть искривив.

Точно бы рухнула... Папы
Вскинулись: где эскулапы? —
Старческий пыл теребя.

Перед печалью земною
Твёрдость нужны с прямизною.
И укрепили тебя.

2010

DUOMO

Стынет пена мрамора пустая.
Подобрать сравнение смогу
После — в самолёте пролетая:
Словно Альпы в бежевом снегу.
Те же аркбутаны и нервюры.
Здесь движенье выглядит как ложь.
Род безлюбой, злой архитектуры.
Бабочка, исколотая сплошь.

Кто наполнит воздухом небыстрым
Грузный многоярусный орган,
Кладку труб, скользя по всем регистрам? —
Аравийский только ураган!
Так ли эта тяжесть не близка мне?
...Упаси создать когда-нибудь
Кружево — исполненное в камне,
С чьих коклюшек жутких не вспорхнуть...

Разве мы, любимая, не рады
В лабиринт ажурный забрести?
Но зачем же множатся преграды,
Замирают ноги на пути...
Что, ещё поднимемся? Повыше?
Холодно в хитине из химер.
«Руку дай!» — молил тебя на крыше:
В нежности нуждался, малOVER.

Весь Милан, чьи кольца суетливы,
Виден с грандиозной высоты.
Но милей — ленивые оливы
В пригородах, первые цветы.
Спустимся! Не головокруженье
Виновато ль? Что-нибудь реши.
Церковь Духа? — страх и отторженье.
Как собор, в котором нет души.

2009

ФОРУМ

С дунайских ли, поволжских берегов...
Исетских, невских — разве нет возврата?
Так вот же царство пастбищ и торгов,
Речей, кровопролитья и разврата.

А Колизея главное окно
Распахнуто туда, где высь пустая.
Но облака напомнили... Одно
Становится другим, в него врасая.

Все времена, дошедшие до нас
— как бы стихи, бегущие от прозы, —
Явились разом, словно явный сон.

И я не то. Но здесь я и сейчас.
Метафоры и есть метаморфозы,
Что доказал в поэме ты, Назон.

2010

* * *

Не бессмертье, но дленье момента,
Бесконечный контекст красоты,
Точно движется не кинолента,
А её созерцающий ты.
Здесь оптический узел — не слёз ли?
Так до раны — незрим кровотоков...
Что, любимая, вспомнится после,
Если есть он, слепящий итог?

Тот фонтанчик и жаркий апрель я
Сохраню, словно счастья следы:
Вот в руках у тебя ожерелья
Засверкавшей на солнце воды.
Как же так... Не картина, не книга.
Перечеть невозможно. Но где
Протяжённость цветущего мига —
В этой памяти, в той ли воде?

2009

КАПИТОЛИЙСКАЯ ВОЛЧИЦА

Под животом, как сталактиты скал,
Цветут сосцы, и сталагмиты Рема
И Ромула вершат её оскал —
В проёме вольном римского ярема.

Младенцев рослых варварский восторг,
Как при этрусках (время их смололо).
Я ваш молочный брат, меня исторг
Из той же ночи мастер Поллайоло!

Когда б — с беззубой нижнею десной,
с пустою прямою постамента —
Волчица обаяла мир дневной...

Но к Тибру вынес ту корзинку Нил,
Дождавшись в человечестве момента...
Второй здесь Джованнини, он крестил.

2010

«ARRIVEDERCI, ROMA...»

Живёшь, как в заgrabной тиши, —
Души не окликнет прохожий.
Хотя, соловей, не грeши,
Ты сам-то такой же, похожий.

Вот Рим, анонимность почти,
Понятливость жизни-руины.
Хождением камни почти —
Искусственные травертины.

Колонны, фонтаны, дома,
Палящие в диком индиго, —
История словно сама
Холмилась для этого мига.

Случайный ты гость? — Но зачем
Глазами связались навеки
Разрушенный дивный Эдем
И память о нём в человеке?

А это АМОЯ в окне
Блеснёт ещё розой Азора —
В автобусе, данное мне
Сердечной утехой для взора.

Я сам римотворец теперь.
Терплю, миротворец, удачу
И граппу тяну без потерь,
Плачú — ибо ею же плачú.

2011

* * *

Завтрак начинается ab ovo.
Масло, хлеб. На выдержанный сыр
Колизея — зренья бокового
Не хватает, как вообще на мир.

Ближний ад провидеть много проще,
Промотав ускоренно в мозгу...
То ли дело в палатинской роще
Сесть на травке, как на берегу.

Время, всех берущее измором,
Словно море, ходит ходуном.
Лишь людьми и движим этот Форум.

Синева, увы, объята сном.
Полнится орхестра новым хором.
Полюбуйся непрозрачным дном.

2014

* * *

Пенится синева.
Римские божества,
Вас извлекли оттуда,
Не обмирщив едва.

Копии ваши здесь
Копятся и поднесь.
Подлинники — вернулись
В лоно, белую взвесь.

Вас, как овец, не стричь.
Мы вот и вправду дичь.
Если кто освежёван —
Цирки, церкви: кирпич.

Как в стоп-кадр ни глазей,
Что для нас Колизей —
Ваши воспоминанья.
Термы, иной музей.

Стебли пиний одни
Тянутся к вам, сродни.
Пенятся точно так же.
Как в досмертные дни.

2013

СПЕРЛОНГА

Лауре и Валерии

Каменное облако, ей-ей:
Синевою выдолбленный в белом
Лабиринт целительных теней —
Нет прохлады уже в мире целом.
В сахарную голову войти
Дважды удалось: пешком и deus
Ех машина. Третьего пути
Не дано, и больше не надеюсь.

Одолей — увидишь с высоты
Лучший вид на море, нет заветней!
Столики в раю полупусты.
Хлеб и рыба — пользуйся обедней.
Счастье — там! Едва ли до него
Доберёшься в нашем-то кошмаре...
И, попомнив князя одного,
Frutti закажи себе di mare.

2014

ВЕРОНА

Увы, я не из первых бегунов.
На всех сукна январского не хватит же? —
С неровных веронезских берегов
Отрезами развернутого к Адидже.

Венозным варикозом старика,
Копя в извилах сизых электричество,
Резвея, в ГЭС врезается река,
Некрозом в Скалигерово владычество.

Так в беге время молодеет тут.
Вот бронзовый Шекспир, балкон Джульетты ли...
Не в дом Да Порто толпы притекут —
В Виченце умер, и когда бы ведали.

Зачем бежать? Ток самого стиха
Веками полон, хватит на грядущее.
И к финишу за тушкой петуха,
На воду глядя, замерев, бреду ещё.

2012

ТЕРРАЧИНА

Словно волны, сменяются быстро
Облака — и легко, на бегу
С умбры сосен, скалистого бистра
Золотую срывают фольгу.
Побережье — то чайка, то галька.
Загляденье, галденье ребят,
Мокрый скрежет песчаного талька...
Разве сердце они теребят?

Светотени, их сизые снасти —
Не ловцы человеков, а так...
Улеглись бы вы, страсти-мордасти,
На песок, превратились в пустяк.
Никогда! И не надо причины,
Хватит следствия, просто суда
Над собой — и в раю Террачины,
Беспокойном, как эта вода.

2011

БЕРГАМО

Что безлюдной тишины безвольней...
Только колокольня с колокольней
Чокаются в чуткой синеве:
Ярус горний звуки рушит свыше
Бергамо органному на крыши —
Да кишат каштанами в траве!

В городе огромном на пьядцетте
Камнем стали песни Доницетти,
Но из глыбы лобной не извлечь
Музыку Ваятелю соборов,
Торжищ, вавилонских разговоров
Утрами, утратившими речь.

Лангобарды, римляне, этруски...
Каково им не внимать по-русски
Двум туристам, слушающим звон.
Хлынул шум, протянута рука мне —
Мы ведь во плоти ещё, не в камне.
И шагнуть в толпу, что выйти вон.

2011

ГЕНУЯ. СТАРЫЙ ГОРОД

В Старом городе здесь, на закате
Европейском, в чернеющей дымке,
Мавритански пришедшейся кстати,
Начинают блуждать невидимки.
Оживают, белея, одежды
С пересудом своим говорливым.
Пилигримы, оставьте надежды —
Полумесяц завис над заливом.

Всё закрыто — и нет уже давки.
Но становятся улицы уже.
Отворяются новые лавки —
Там дешевле, хотя и похуже.
Африканцы, китайцы, индусы
Пробуждают кварталы от спячки.
Прогуляйтесь-ка, если не трусы,
Пряча глубже, однако, заначки.

Европейская ночь распахнула
Воздух призракам — бродят повсюду.
Наважденье Сеула, аула...
Как не множиться этому люду?
Навсегда ли алмазы? — едва ли.
Бижутерия — жуткое дело!
Вот и Геную завоевали.
Только море волной и задело.

2011

СПЕЦИЯ

Когда незнакомец в далёкой стране
Начнёт демонстрировать снимки родне —
Глазами скользнёт по тебе и по мне.
Статисты, стоящие чуть в стороне.

Мы тоже, вернувшись в родные осины,
Увидим где лица чужие, где спины.
Вот Специя, горы её и низины,
А в них специально растут апельсины.

И каждый с собой увезёт натюрморт
Из жизни неизвестных, порт или форт,
Пейзаж с манекеном, дождливый офорт.
Раскрасит, квасным баснословием горд.

Не в центре ли мира сошлись, у фонтана,
Все те, кого гнали сюда трамонтана,
Бастующий транспорт, галдящий вокзал...
Однако никто никого не узнал.

2011

РИВЬЕРА: ВАРИАНТЫ

1. Tristegum

Высоко в горах мы, под ор лягушек,
Пресноводный хор поливных кадушек,
Пиrowали скромно в лимонной роще:
Никаких цикад, всё гораздо проще.

Да и звёзд не видно — огни Сан-Ремо,
Как горящая на скале трирема,
Раскаляли сумрак безбрежно-карий,
Полустёртый даруя луны денарий.

Только пара лайнеров слала с Понта
Как бы письма мнимого горизонта,
Чтобы в слепо шарящем ночью взоре
Не терялся мир, обреталось море.

2. Caucade

Елене Ушаковой

Под нами — тральщика утюг
Разглаживает влажную прохладу...
А мы в жару — о этот юг! —
Плетёмся в горку два часа уж кряду —
Там русский захоронен прах
Того, кто слышал чутче всех, возможно,
Дыханье, паузы в стихах, —
И выносил сужденьё осторожно.

Дошли, и что ж? — ворота на замке.
Оптимистично для погоста.
И поступил с ромашками в руке
Я очень просто —
Просунул их в ограду. Те цветы,
Решил, когда мы
Поворотились к морю с высоты, —
От слышащей Вас лучше многих дамы.

2015

ПРОВИНЦИЯ ИМПЕРИЯ

Огромный мост — и жалкий ручеёк.
Ни больше и ни меньше — Арджентина.
Рассчитан на поток, что нынче — ёк.
Безрадостная, доложу, картина.
Хотелось целиком его пройти...
Проковылял две трети — спёкся, жарко.
И видно — ерунда в конце пути:
 Там не найти
Ни церкви, ни жилищ, ни просто парка.

Присел и выпил граппы. Таджа, ты
Мне Римский мост сулила — ведь сбылось же!
Что ж берега практически пусты?
Полны ли были прежде? Будут позже?
Кусты да камни. Сбродится ль когда
Во что покрепче муторное сусло?
Иль нет надежд, что горная вода
 — вольна, горда —
Заполнит по весне сухое русло?

Вот котлован, а паводков — увы.
Простор, где уместиться можно горю.
Почти не поднимая головы,
Ползёт водичка... Господи, да к морю!
Что ж сразу я туда не поглядел,
Где лишь гряда летучая нависла,
Как виадук... Теряется предел.
 О том радел?
Обид же нет! — Но нет стыда и смысла.

2015

ГАЭТА

Тучи над морем в ряд —
Парусная Гаэта!
Яркий ночной парад
Беспроводного света.
Вспыхивает вольфрам
Молниевой спирали,
Громом грозя горам
И высекая дали.

Видишь волну насквозь,
Глыбу воды, мгновенье
Бывшую с глубию врозь,
Мнимое теша рвенье.
Словно Медузы лик
В потном щите Персея
Окаменел на миг,
Тщетный свой щебень сея.

То-то оно мертво
— сдвинься, ещё раз брызни! —
Сущности вещество,
Вырванное из жизни.
Схлопнется темнота.
Но подожди удара —
Выйдет дождю верста
Всполохами пожара.

Палубный твой балкон
Пагубу любит эту,
Ставлящую на кон
Благостную Гаэту.
Так осуши до дна
Граппу, совпав с разрядом.
Словно волна — сполна:
Море вокруг — не рядом.

2014

МОНТЕРОССО

На вершину подняться Аврору,
В монастырь капуцинов зайти...
Надо ль выше карабкаться в гору? —
Только нету иного пути.
Тяжело два потеющих тела
Забирались на пик, на плато...
Вот акме, заповедник предела
На кремнистой границе с Ничто.

Ниши кладбища. Склепы, надгробья.
Лишь в двадцатом столетье сюда
Стали втаскивать урны — подобья
Непосильного в прошлом труда.
Крутизну оценили подъёма,
Отдыхались в теньке, на ветру.
Каково же до Божьего Дома
Подымать домовины в жару...

Запечатаны мёртвые соты,
Ибо, срезаны, вянут цветы...
Крестный путь на такие высоты
Неземной ли алкал красоты?
Прочь отсюда! Но прежде запомни:
Со скалою упрочили связь
Лики ангелов каменоломни,
Словно в лоно её возвратясь.

С очевидным ничтожеством споря,
Обрывается небо у ног.
Это уровень горя — не моря.
Даже мраморный Сын, одинок,
Отвернулся от йодистой сини,
Обращён на другую гряду...
Неужели лазурь, что в низине,
С верхоглядной не в том же ряду?

Скоро сонной часовни сиеста
Вновь прервётся живой чередой.
Разве труднодоступное место —
С близлежащей-то нашей бедой?
Что с того, что зарюют высоко,
Как бы вывернув страшное дно...
Зуб неймёт, ибо емлет лишь око.
На Спасителя обращено.

2011

SERAPEUM

...nec ut soles dabis iocos...

Hadrianus

Оливковое масло водоёма.
Зеркальный карп ленивую волну
Перевернёт — и Время снова дома!
А что на дне... кто ж тянется ко дну?

Любимое, увиденное въяве,
Живейших наслаждений череда —
Сейчас и здесь. И разве мы не вправе
Перекусить и выпить у пруда?

Останутся ведь только крокодилы
С железной арматурою внутри —
Улыбчивы, слезоточиво-милы.

Смотри, касайся, пробуй — всё твоё!
Но в чьём-то юном будущем умри —
Как торжество мечты и крах её.

2013

ЭПИТАФИЯ

В начале — пластилин, а глины назаретской
Дождись в конце. Затем — лишь мрамор ледяной
Да черепки скорлуп разбитых — римской, грецкой...
На гравий посмотри — вот это было мной.

<2013>

IV

* * *

Перевернувшись на весу,
Брусок воды, порвав лесу,
Блеснёт кольчужной чешуёю
И снова, с раненой губой,
Становится самым собой —
Зеркальным карпом, в пику Ною.

Есть превращения, они —
Всего лишь отсветы, огни
Иных чудес, непредставимых.
Поди у бабочек сочти
Все шёлковые их пути —
Что небо мерить в херувимах.

Но только *здесь* тот дивный храм,
Под облаками, по утрам
Припудренными на востоке.
Воображение? Скорей
Лучей на стёклах галерей
Игра... Мечты вотще жестоки.

В гостях ли, дома ли, в саду
Я лишь фантазии найду,
Припавши к плоскому экрану...
Столь осязаемо-просты,
Они трепещут — как персты,
Фомой влагаемые в рану.

2011

ГУСТАВ КЛИМТ

Из Фаюма — на солнце не видно —
Зазеркальная эта доска? —
Так она засверкала бесстыдно
Из-под сыплющегося песка,
Погребальной смутив позолотой,
На мгновение разум затмив
Новизною своей желторотой,
Как мотив, намекнувший на миф.
Но потом из неверного пазла
Собираешь картинку — и вот
Театральная люстра погасла,
И соблазн баснословный живёт.

Только ей, равнодушной, что Климта
Распалять наготой, что хлыща.
Кисть ли, хлыстик... Но, страждущим, им-то
Невтерпёж, и они, трепеща,
Достают Иудифь из оклада —
С головой, отсечённой колье.
Никого, ничего ей не надо
В распахнувшемся жарко белье.
Это прелесть порока, наверно,
Либо смерти, увы, торжество.
Нет гримас на лице Олоферна,
Просто грим несмываем его.

8 сентября 2011

НА ОТРЕЧЕНИЕ БЕНЕДИКТА XVI

Quo vadis...

Мольба раба рабов до ужаса проста —
Как если бы Христос отрёкся от креста...
И смотрит всяк на то, и даже некрещёный,
На низких истин мир, бездумно обмирщённый.
Ведь можно — средь палат и роскоши такой —
Уйти, как эмерит, на гибельный покой.
Ваш папа пал давно... Ответьте, где вы были,
Когда понтификат катил в Папамобиле?
То далай-лама он, то зам у Божества...
А вышло, что Фома, не зрящий волшебства.
Но хуже во сто крат, что на его примере
Последний неофит учиться станет вере.
Тут слишком широко распахнуты врата —
Не хлынет ли толпа, чья храмина пуста...
И будет всё пустей отныне год от года —
В пустыню заведут служители народа.
Не Перстень Рыбака — лишь дырка от него —
Заветное кольцо: живо оно, мертво?

2013

* * *

Как черепаха и Ахилл —
Неисчерпаемая тяга,
Игра довифлеемских сил:
За горизонт не сделать шага.
Но в человеческом роду
Не без Нимрода год от года...
Нагая, наглая свобода
В экзальтированном бреду.

Мне видится иной предел
— понятный всякому приделу, —
Вдоль нефа тёмных наших дел
К поникшему влекущий Телу,
Вечноживущему, пока
Под сердцем полыхает рана...
И только водопад органа
Остуду ей даёт слегка.

2014

НИЖНЕ-ИСЕТСКОЕ

...на безымянном кладбище свердловском.

Б. Р.

Всем готическим строем сосновым
Прямо в небо направлен погост,
Приникая корнями к основам,
Но стремясь простереться до звёзд.

Тлеет меньшее в большем, не правда ль...
Только где ж обнимавшую весь
Дальный мир, а не дольную падаль,
Нам психею сыскать? Разве здесь?

Оттого мы беспомощно робки —
Вне контекста, в щемящей тщете
Черепной глинобитной коробки,
Что не знает о всей полноте...

Содержание, взятое в скобки,
Как на той запотевшей плите.

2012

* * *

Не лавр — наверное, лопух.
И не растёт, и сор повсюду.
Меня не будет — прах и пух.
Страшнее то, что я не буду.
Мне жаль пока, что не бывало
Грёз радости и слёз обид,
Что пережито даже Жало...
Перестрадает, отболит.

Пока, пока... Не принося
Ни стойкости, ни веры, мука
— назло себе же — в этом вся.
И Слова не было? — ни звука.
Но я... Да никому, поверьте,
Ни *мне*, ни *вам*, не нужно я.
Блеснёт — на краешке от смерти.
Следя, как сходятся края.

2011

ЛАЗАРЬ

Очнулся. На ходу срасталась плоть.
К платку у рта пристали гниль и глина.
Там, впереди, заплаканный Господь
И сёстры, обе — Марфа, Магдалина.

Не разделяя радости, их брат
В себе нёс опыт горестный, покуда
Они, не понимая, что творят,
Ликуя, принимали бремя чуда.

Сестёр, в глаза не глядя им, обнять.
В пустыне, как в пещере смрадной, голо.
И тихо плачет Лазарь, что опять —
Страданье, смерть, небытие шеола.

2008

РАХ

Ни алоэ, ни мирры, ни льна.
Лёгкий пепел, подхвачен хамсином,
Полетел над оврагом Гинном...
А душа, она столь же вольна?
Поднялась ли над Иерусалимом,
Воплотилась ли в белом и синем —
Или стала гееннским огнём?

Не восстал, не явился Петру...
Но тебе обещал, умирая
На соседнем кресте, на краю
Воскресенья, на жарком ветру,
Тот, Кто целым вернётся из рая
(если жизнь существует вторая):
«Ныне ж будешь со Мною в раю».

2007

(МАР. 16, 1–8)

...читая Евангелие от Марка, читаешь первое жизнеописание Иисуса, на которое опирались авторы всех последующих Его жизнеописаний.

Отметим важный момент, касающийся Евангелия от Марка. В своей первоначальной форме оно кончается на Мар. 16, 8.

Комментарий Баркли к Новому Завету

Мать Иакова, Саломия и Магдалина
На ногах чуть свет, обошли весь рынок,
Закупая помазания. Половина
Ноши в одной лежит из корзинок:
Магдалина младше. И вес уменьшен
В двух других: по четверти притираний.
Сокрушается, поглядывая на женщин,
Что идут с ней рядом, старшая: «Кто нам в ранний
Час поможет? Как же, слабейшим мира,
Нам подвинуть камень?» Обе Марии тоже
Ей в ответ вздыхают. Одна, чьё миро
Тяжелей, — чуть шумно. Другая — строже.

Вот уже и пещера... Валун, что туго
Прилегал ко входу, вдали пылится...
Но вошли, теснее держась друг друга,
Мироносицы... Что же? — пуста гробница.
И раздался голос в проёме правом.
Их окликнул юноша — в чём-то белом,
В полумраке им показалось. «Я вам
Говорю: не бойтесь! Вы здесь за телом
Иисуса? Нет его, ибо воскрес. Петру же
Передайте: ждёт его в Галилее».
Только к солнцу, сияющему снаружи,
Побежали женщины: там светлее.

И от страха — о том, что тогда узнали,
Никому, написано, не сказали.

2006

* * *

Под снегом или не под снегом,
Но, безусловно, по весне —
Проснётся кукла человеком
Сказать сегодняшнему мне:
«Ты знал условия задачи
И подгонял ответы к ней.
Всё, видишь, несколько иначе.
Отсюда, видишь ли, видней.
Ты думал, иго жизни тяжко
И ничего нет впереди...
Ты кукла, кукла, деревяшка!
Возьми постель свою, иди».

2006

DEUS EX MACHINA

1

Обрываются с жизнью связи
В этот миг, вполне ледяной.
Физраствор, кровосгустки в тазе
Или просто сугроб ночной.

И, глазами впиваясь в небо,
В самый звёздный его каркас,
На возможный эффект плацебо
Уповают в последний раз.

2

Спецэффекты, взрывы, объёмный звук —
В натуральную слышимость, всё вокруг
Сотрясается, ухаёт. Но испуг
Доставляет радость... Такой вот трюк.

А в итоге требуется лишь одно —
Умереть на последнем ряду в кино:
И экрану яркому всё равно,
Да и в зале полутемно, темно.

3

Тяжело ночами спать.
Просто не уснуть.
Провожаяшь мир опять
В свой последний путь.

Ни решиться, ни решить.
Просто не успеть.
Жизнь бы только пережить.
Смерть перетерпеть.

4

Муха с разлёту — шлёп о стекло:
Слепо, нелепо.
Как же такое случиться могло?
Вот оно — небо.

Все перебежки — жутко тяжки:
Глухо, непруха.
Что за мохнатые, что за шажки,
Бедная муха.

5

Авто, возмутитель снежинок,
Прохватит лучом темноту,
Рентгеновский делая снимок
Заваливающемуся кусту, —

Вот так бы, под шиканье шины,
Когда мы окажемся врозь,
Душа моя, бог из машины,
Меня проняла бы насквозь.

2008, 2010

СВЯТОГОРСКИЕ ПЕЩЕРЫ

Андрею Дмитриеву

Вроде грядущей тесной норы.
Свечки — две гривны — при входе.
Грузно шли в гору внутри горы...
Шахты наверх что-то вроде.

Воском пока б не закапать пальто,
Штольным не вымазать мелом,
Хоть и никто ты в чреве Ничто,
С неповоротливым телом.

Бить ли поклоны во мгле галерей,
Стать к образам фарисеем...
Будь же язычником, веруй бодрей,
Храм перепутай с музеем.

Дальше всё, выше... Да скоро ль конец!
Час уже лазаем в узком...
Вышли — и Северский дивный Донец
Плыл в октябре малорусском.

Все купола эти, все теремки,
Столь недоступные снизу, —
Рядом, холмы да урёмы реки
Выровнены по карнизу.

Свечи погасли на верхнем ветру.
Вот же он — ярус последний.
Пусть полыхает, когда я умру,
Осень вечерней обедней.

В патине медной, червонной парче,
В складках лежащей на склоне...
Выйдешь — и мел у тебя на плече,
Теплится пламя в ладони.

2007

* * *

Кривая вывезет туда,
Где степь да степь, глухая ночка
И яркая одна звезда —
Асимптотическая точка.

С другою говори весь путь —
И обречённый и унылый.
Гори, гори! И над могилой
Всё той же, Вифлеемской будь.

2008

* * *

Убеждает в незримом Твоём
Грандиозном присутствии в мире —
Пыльный свет, проникая в проём
Окон, летом открытых пошире.
Наши лучшие дружбы; и та,
С кого глаз не сводил бы... Шиповник.
Даже божья коровка, с листа
Улетевшая... Весь Твой коровник!
Светлых сумерек тёплый наплыв.
Мир, где взялся откуда невесть я.
И стихи. И вообще, полюбив...
И созвездья, созвездья, созвездья, созвездья...
То, что дорого. То, что во тьме
Пробирается медленно к свету, —
В Калифорнии, на Колыме...
Всё, чего как бы не было, нету.

2006

МАЛАЯ АЗИЯ

1. Гостиница

Владимиру Бауэру

Раскрыты чемоданы, снят чехол.
Был ранний завтрак, выдалась неделя.
Я ковылял впервые через холл,
Сквозь вестибюль курортного отеля.

Позвякивали вилки. Я прошёл
С подносом мимо немцев, тайно целя
В укромный столик, глядя в скользкий пол,
Чтоб не споткнуться, увалень Емеля.

Но остеклённый свет, вздымая бязь,
Вдруг приоткрыл простор за балюстрадой —
И, головокружительно кренясь,

Поплыли плиты: в обморочном взоре
Соборной средиземною громадой,
Лазурной бездной разверзалось море.

2. Соловьиная гора

Е. Ю. Каминскому

В тесном домике под Эфесом,
А точнее — над, на вершине
Соловьиной горы, масличным
И ореховым крытой лесом,
И жила Она. Лишь на машине
Тех высот удалось достичь нам.

Стала матерью Иоанна,
Просьбе Сына внявшего кротко.
В Малой Азии так и осели.
Как туристом неловко быть, странно.
Что ж душа каменеет, уродка,
Не пронять её ничем неужели?

Гераклитов город в руинах
Простирался вниз. Артемиды
Геростратом обожжённое вымя...
От вещей самых твёрдых, длинных
И широких остаются обиды.
Выживает порой только имя.

Юрко ящерики снуют под большую
Колоннадой храма Домициана...
Все мы в мраморе белокуры,
Даже самые чёрные душою.
Грека днесь не отличить от османа —
Разве знали об этом авгуры?

После самой кошмарной ночи
— ни себя, ни мира не видно —
Буду, может, и я разбужен.
Богородица глянет в очи:
Станет так нестерпимо стыдно —
Никакой Страшный суд не нужен.

3. Мармарис

Валентину Берднику

Море, в которое бросился царь Эгей,
Хвоя мраморных скал, мреющий лазурит.
Мармарис! — ясный, что крик «эгей»,
Эхом за бухту летящий на Родос, Крит.

Буйство бугенвиллей, пальмы, отели, пляж.
Жирные кляксы инжира лиловые на мостовой.
Пение муэдзина, Макдоналдс — мираж, муляж.
Можно не думать о том, что ещё живой.

Сутолока мелких лавок, ковров караван-сарай!
Бронзовый Ататюрк смотрит на променады:
Полон британок бахчисарайский рай,
В чьих руках виноград, вспомнишь и про менады.

Что им, нагим, стихи! Дайте им тирс, тимпан!
Вечнозелёный лавр, туя и кипарис...
Ходишь, весел и пьян, солнца блестит кальян
И выдыхает облако на бирюзовый бриз.

Бир бардак бира! Пива ещё стакан!
Пир среди мира! Тютчев сказал, мы слизь,
Дыр бул щыл убешщур, Слово не истукан...
Мгновение, ты волшеббно! Не замирай же, длись!

Только в смене волны новой вольной волной
И обретаётся жизнь, только в блаженный миг
Длящейся полноты, радости наливной...
Вот он — пропал-возник, словно из лучших книг.

Помнишь — про чёрный парус? Ошибка ли жизни всей...
Мы ведь умрём, как тот, чьё имя носит вода.
Через мгновенье на берег сойдёт Тесей.
Повремени, не замирай никогда.

4. Библиотека

С. А. Лурье

Аллея колонн, не дающая тени.
Ведущие к бывшему порту ступени.
Но море на шесть километров ушло —
Чтоб не возникало у шлявшихся праздно
Войти в те же воды пустого соблазна
Умершему здесь Гераклиту назло.

Мы к портику, лучшему в мире, ей-богу,
Подходим, порогу, осилив дорогу...
Но время давно отчеканило: цельсь! —
В стремленье каверны из мрамора высечь:
Ни свитков — а было двенадцать их тысяч,
Ни цельного зданья, что выстроил Цельс.

И воздух один поселился навеки
Во внутреннем дворике библиотеки,
В ларце пустотелом. Случайный турист,
Четыре примерно отмерил я метра
Под свист и сипенье асийского ветра —
И был небосвод безучастен и чист.

Вот так и закончится книжная эра.
Фасад монитора, экрана химера —
Загoptанный толпами наш палимпсест.
Не полости каменной, в сущности, жалко:
Пускай пустота! — пустота, а не свалка!
Присутствие неких отсутственных мест!

Мне нравилось это безмолвие, эта
Зыбучесть теней мозаичных и света,
Их пегая шкура на пыльном полу..
Величье? Пожалуй. И — да, благородство.
Всю богооставленность нашу, сиротство
Прочувствуй — и, смертный, воздай им хвалу.

Всё схлынет, как море. Все люди, все свитки.
История — что это? Только убытки.
Но ты ведь, свидетель красоты и тщеты,
Гулял тут, курил, поминал Гераклита..
Любой позабыт, но Ничто — не забыто,
Покуда есть каждый, покуда есть *ты*.

2007, 2008

В наших садах разрастается жимолость —
Молодость лета и жизни прижимистость
Переплетаются, гравий шуршит
Велосипедами, тише — подошвами,
Счастьем прошедшим и бедами прошлыми —
Вот и ещё один день пережит.

Как же за все впечатления рьяно мы
Раньше хватались! Меж трезвыми, пьяными
Бродим, как призраки... В шелесте крон
Клёнов склонённых молекулы воздуха
Мышцы ветрам напрягают без отдыха —
Вот эндорфин тебе, тестостерон.

Почва, в которой потом жутковато мы
Будем, увы, распадаться на атомы,
Примет любого... А радует — всех?
Чью-то калечность, увечность, зашибленность?
Скажем, слепому — что травка, что жимолость...
Синонимичны провал и успех.

В мире искать справедливость — как в комнате
Тёмной ту чёрную кошку... вы помните.
Лишь потому, что придётся «не быть»,
Хочется «быть»... Как слепому — прозрения.
Что-то тут есть... Постою у сирени я:
Запаха мыслям не перешибить.

Зелень, июнь, разноцветные платица...
Жизнь только гибелью с нами расплатится,
Полным распадом замысленных форм, —
С нищими вместе, больными, убогими,
С Богом, порогом... Со всеми порогами!
Вот хлорофилл тебе, вот хлороформ.

Разве напрасно всё мнится и помнится:
Дом этот, улица Красная Конница,
Вонь коммуналки, облезлый фасад?
Кто обо всём тебе напоминает?
Но человек не всегда понимает:
Зря не покажут — ни свалку, ни сад.

2006

СОДЕРЖАНИЕ

I

Уроки рисования.....	4
Сказка.....	5
Репортаж.....	6
«Птицы щебечут всю белую эту ночь...».....	8
«Поначалу не разобрал: насекомое это, птица?..».....	9
«Прелестна была! Со спонтанным доверьем...».....	10
Открытое кафе.....	11
«Только на кошку свою и надейся...».....	12
«Ни от кого. Так было, говорят...».....	13
Пески.....	14
«Похоже, страхи дурно поняты...».....	15
Бульвар.....	16
«На ветвях осталось мало...».....	17
Ремонт.....	18
«Ты тогда почувствуешь: вот оно...».....	19
«„Опять про грустное написал?..“».....	20
«Нынче фонари в окне...».....	21
«Шавка забрешет, забрезжит авто...».....	22
«В ранний час, пока ты спишь...».....	23
«Под целлофановый, разом...».....	24
«Выйдя из виртуальности, отравившись вполне...».....	25
«Без (кто же знал-то?) зонтика дойдя...».....	26
«Черёмуха как бы распалась...».....	27
«Жаль, что не было нас...».....	28

II

Джетлаг

I. Манхэттен.....	30
II. Перелёт.....	31
III. Грядущий Нью-Йорк.....	32
IV. Никуда, с любовью.....	33
Братина.....	35
Ши-цзы, или Китайская грамота.....	37
Кирха Св. Анны (быв. кинотеатр «Спартак»).....	38
«Что-то из „Дочки“ его, с Пугачёвым...».....	40
«Мороз — и Заячьего острова...».....	41
Флот.....	42
Во Фландрии.....	43
Перетта.....	44

Учитель	
1. «В парадном, сказано, мундире...»	45
2. «Гюльпан-то тленьем не убит...»	45
<Посылка>	47
Вырица	48
Оредежь	50
Рождествено	51
«Мостки»	52

III

Венецианская весна	
1. Пьяцца	54
2. Мост Вздохов	55
3. Сан-Микеле	56
4. Трагетто	57
5. Торчелло	58
6. Бурано	59
7. Фрари	60
8. Лацци	61
9. Арсенал	62
10. Ночь	63
11. Дорсодуро	64
12. Балкон	65
13. Сан-Джорджо	66
14. Примavera	67
«На столе, в стакане, эустома...»	68
«В канал сапозок окунула...»	69
Радуга над лагуной	70
Sposalizio del Mare	71
Неаполь	72
Капелла Медичи	73
Поле Чудес	74
Diomo	75
Форум	76
«Не бессмертье, но дленье момента...»	77
Капитолийская волчица	78
«Arrivederci, Roma...»	79
«Завтрак начинается ab ovo...»	80
«Пенится синева...»	81
Сперлонга	82
Верона	83
Террачина	84

Бергамо	85
Генуя. Старый город	86
Специя	87
Ривьера: варианты	
1. Tristegum	88
2. Saucade	88
Провинция Империя	89
Гаэта	90
Монтероссо	91
Segareum	93
Эпитафия	94

IV

«Перевернувшись на весу...»	96
Густав Климт	97
На отречение Бенедикта XVI	98
«Как черепаха и Ахилл...»	99
Нижне-Исетское	100
«Не лавр — наверное, лопух...»	101
Лазарь	102
Рах	103
(Мар. 16, 1–8)	104
«Под снегом или не под снегом...»	105
Deus ex machina	
1. «Обрываются с жизнью связи...»	106
2. «Спецэффекты, взрывы, объёмный звук...»	106
3. «Тяжело ночами спать...»	106
4. «Муха с разлёту — шлёп о стекло...»	107
5. «Авто, возмутитель снежинок...»	107
Святогорские пещеры	108
«Кривая вывезет туда...»	109
«Убеждает в незримом Твоём...»	110
Малая Азия	
1. Гостиница	111
2. Соловьиная гора	111
3. Мармарис	112
4. Библиотека	113
«В наших садах разрастается жимолость...»	115

Александр Леонтьев

ПРЕДЕЛЫ

Подписано в печать 10.11.2016. Формат 84×108^{1/32}.

Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.

Объем 3,75 п. л. Тираж 200 экз.

Заказ № 499.

Оригинал-макет изготовлен и отпечатано

в ООО «ИПК «КОСТА»

СПб., Новочеркасский пр., д. 58, офис 413,

тел.: (812) 445-10-02

ISBN 978-5-91258-367-4

9 78 5 9 1 2 5 8 3 6 7 4

